

существовать как особые целостности такие виды общностей, как этноареальные, этнодисперсные, субэтнические и этнографические группы.

Я согласен с М. В. Крюковым, что в повседневной и публицистической речи незачем употреблять типологически ранжированные термины, здесь предпочтительнее нейтральные выражения, такие, как «народ» или «национальность». Однако это не означает, что этнографы-специалисты должны отказаться от классификации современных этносов. Совершенно очевидно, что, с одной стороны, русские, а с другой — чукчи или азиатские эскимосы, соответственно на четыре и пять порядков меньшие по численности, или примерно равночисленные, но совершенно по-разному расселенные евреи и киргизы, или ингуши, цыгане и уйгуры в СССР представляют собой различные типологические варианты современных советских этносов. Закономерности развития этих этносов отнюдь не безразличны советскому обществу в целом, как и закономерности этнического развития народов всего мира, и надо полагать, что усилия ученых, направленные на создание все более совершенных и операционально перспективных этнологических типологий, будут продолжаться.

В. И. Козлов

ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Дискуссии по коренным проблемам этнографической науки, без которых любая наука вряд ли может нормально развиваться, публикуются у нас регулярно. К сожалению, иногда в обсуждение вовлекаются второстепенные вопросы, да еще такие, по которым и спорить-то не о чем. В только что прошедшей, например, дискуссии по полевым исследованиям один из ее зачинателей предложил дискутировать о том, нужно ли этнографам изучать оставшиеся «белые пятна» на этнографической карте; географы вероятно, просто обиделись бы, поставь перед ними такой вопрос. В дискуссии, начатой статьей М. В. Крюкова, поднята действительно важная проблема, вернее — комплекс связанных между собой проблем: от сущности этноса (этнической общности) и его важнейших параметров до возможности учета исторических изменений этих параметров для стадияльной типологии этносов. И дискутировать здесь есть о чем, ибо сталкиваются сильно различающиеся мнения. Ведь что получается: с одной стороны, мы имеем вполне разработанную, ставшую уже в какой-то степени «традиционной», четкую концепцию трех основных исторических типов этнических общностей, именуемых «племенем», «народностью» и «нацией». А с другой — в этой концепции есть какие-то элементы «псевдонауки», когда, как отметил акад. А. Б. Мигдал, «смутная идея объявляется достоверной истиной»¹ и когда только способность науки к самоочищению, а в обществоведении и опора на марксистско-ленинскую методологию позволяют восстановить истину.

М. В. Крюков начал с истории вопроса (что в данном случае особенно уместно) и отметил, что трехступенчатая типология этносов впервые получила хождение в начале 1950-х годов. Это правильно, но с той оговоркой, что тогда речь шла о «формах исторических общностей» и число таких форм нередко увеличивали до четырех: род, племя, народность.

¹ Мигдал А. Отличима ли истина от лжи? — Наука и жизнь, 1981, № 1.

нация². Кроме того, сразу же возникает естественный вопрос: а что же было раньше, неужели у этнографов (и шире — у обществоведов) до начала 1950-х годов не мелькнуло даже «смутной идеи» о том, что этнические общности как-то изменяются во времени и что эти их изменения можно выразить в виде стадияльной типологии? И тогда историю вопроса приходится углубить чуть дальше в прошлое.

Как это ни покажется сейчас странным, но до начала 1950-х годов идеи о стадияльной типологии этносов, если у кого-то и возникали, в научной литературе отражения не нашли. Это объясняется прежде всего отсутствием у нас в то время самого понятия «этническая общность», а как же можно заниматься типологией, не имея достаточно четкого представления о том, что типологизируется. Такого понятия, как отмечено выше, не было и в начале 1950-х годов; тогда говорили об «исторических» общностях, но очень поясняя эти понятия и не замечая, в частности, что к ним кроме этнических относятся государственные, религиозные и многие другие виды общностей людей. Термин «племя» до того применялся в основном для обозначения ранней формы социально-территориальной организации; в этом случае обычно пользовались известным определением Ф. Энгельса. Нередко, впрочем, он прилагался и к современным, главным образом для обозначения больших групп людей, как-то связанных своим происхождением («соплеменники», «племенной состав России» и т. п.). Термин «нация» и особенно производные от него («национальность», «национализация» и пр.) нередко также применялись довольно широко³. Судя по литературе, можно предположить, что до начала 1930-х годов в нашей науке еще шли споры о понятии «нация», причем отмечалось: «Несмотря на неустанную работу социологической мысли в направлении познания нации как исторически существующего явления, до сих пор еще не утвердилось строго определенных понятий, как нация и национальность, так и родственных им совокупностей — народа и народности»⁴. Однако в 1930-х годах уже утвердилось представление о нации как общности людей, характерной главным образом для развитых классовых формаций, а также известное определение нации на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Что же касается термина «народность», то он продолжал применяться довольно неопределенно, но чаще всего — ко всем общностям, которые не подходили под определение племени или нации. В 1941 г. историк И. В. Арский, основываясь главным образом на трудах Ф. Энгельса, попытался ввести в науку понятие «национальность» для обозначения общностей, характерных для начального периода формирования наций⁵, но это предложение осталось малоизвестным, поддержки оно, во всяком случае, не получило.

К сказанному М. В. Крюковым о начальном этапе выработки стадияльной типологии этносов необходимо добавить еще и то, что он некоторым образом связан с появлением в 1950 г. работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой говорилось о развитии языков родовых в языки племенные, языков племенных — в языки народностей, а последних — в языки национальные. Такую связь не следует упрощать, ибо дальнейшее широкое распространение и развитие содержащейся в этом тезисе идеи (в отличие от некоторых других идей) было, несомненно, обусловлено и проявившейся потребностью в стадияльных характеристиках исторических (этнических) общностей. Но так или иначе получилось, что разработка этой идеи началась в условиях, когда еще не была определена суть ни «исторических», ни этнических общностей, и

² Такая практика продолжалась и позже. См., например, *Архангельский А. М. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей*. М., 1961; *Алексеев В. Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей)*. М., 1962.

³ См. *Козлов В. И. О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина*. — *Сов. этнография*, 1969, № 6.

⁴ *Шаповалов Н. К вопросу о понятии нации*. Минск, 1929, с. 2.

⁵ *Арский И. В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе*. — *Уч. зап. ЛГУ (Сер. ист. наук.)*. Л., 1941, вып. 12.

шла она не путем творческого поиска и дискуссий, а уже в заданных рамках. Основной же результат подобной разработки свелся к тому, что общность, называемая «племенем», стала считаться характерной для первобытнообщинной эпохи (что в общем правильно), «народностью» — для рабовладельческой и феодальной эпох, а «нацией» — для капиталистической и социалистической эпох.

Предпринятые позже попытки некоторых философов-обществоведов доработать схему «форм» или типов «исторических» общностей не были, да, видимо, и не могли быть успешными, так как авторы пытались увязать диахронный подход к типологизации с синхронным. Весьма характерна в этом отношении отмеченная М. В. Крюковым работа А. Г. Агаева по «теории народности», в которой каждому из типов «исторических» общностей приписаны свои виды связей: племена — «кровнородственные», народности — «территориальные» и нации — «экономические»⁶. Но такое построение с логической и этнографической точек зрения не выдерживает критики. Каждому виду связей в социальной жизни соответствует свой вид общности людей: кровнородственным связям — кровнородственная общность, экономическим — экономическая, а скажем, религиозным связям — религиозная. В основе этнических общностей лежат этнические связи, с которых речь пойдет далее. Следует сказать, что кровнородственные связи как таковые вообще характерны не для племена, а для рода, являющегося частью племена; на них основан и принцип родовой экзогамии. Территориальных связей, строго говоря, вообще нет; территория является базой для развития самых различных видов связей: экономических, политических, этнических и др. Существуют, правда, «соседские» связи, но они обычно имеют узкие рамки и не выходят за пределы сельских общин. В раннеклассовых формациях такие общины в более крупные социальные совокупности объединяла не территория и не экономические интересы, которые были, как отметил Ф. Энгельс, «одинаковые, но именно потому и не общие»⁷, а обычно лишь государственная власть. Что же касается экономических связей, то они в принципе более характерны для государственной, а не для этнонациональной общности и определяются не столько этническими, сколько государственными границами⁸.

Следует сказать, что этнографы восприняли триаду «форм», или типов, «исторических» (этнических) общностей позже других обществоведов и, лучше зная фактический материал, не очень усердствовали в том, чтобы уложить все множество существующих и существовавших этнических общностей в ее жесткие рамки, хотя это иногда и приходилось делать, например для энциклопедических изданий, где требовалась такая типология. Взявшись за разработку общей теории этноса (этнических общностей), этнографы оказались по существу первыми и среди тех, кто выступил за пересмотр этой схемы, которая, как справедливо заметил С. А. Токарев, внешне основана на формационном подходе к типологизации, но в сущности не отвечает ему⁹. Однако разработка подобной типологии в этой области нашей науки еще не вполне завершена, и новые усилия, предпринятые в этом направлении М. В. Крюковым, можно лишь приветствовать.

Обрисованная М. В. Крюковым ситуация, при которой недостаточно разработанная схема типологии этносов мирно сосуществует, так сказать, с многочисленными отступлениями от нее, ничего хорошего, конечно, не приносит. Особенно слабым звеном в данной схеме по-прежнему остается понятие «народность», которое употребляется и для диахронной и для синхронной типологизации. В результате этого наряду со ста-

⁶ Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Закономерности социалистического развития народностей в СССР. Махачкала, 1965.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 496.

⁸ Подробнее см. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — Сов. этнография, 1970, № 6.

⁹ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — Вопр. философии, 1964, № 11. См. также Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

диально очерченными этой схемой «рабовладельческими» и «феодальными» народностями существуют еще «капиталистические» и «социалистические». Выступающий в данной дискуссии А. И. Першиц заявил, что такая терминология его устраивает и что вообще «о терминах не спорят»¹⁰. Думается однако, что это известное выражение уместно лишь тогда, когда предлагаемые термины нейтральны и не затрудняют, например, типологизацию. Но суть дела здесь даже не в самом термине «народность», а в том, что стоит за этим термином. А за ним, как выясняется, стоит нечто странное, ибо по какому-то важному, но неизвестному признаку (о нем А. И. Першиц ничего не говорит, но с позицией А. Г. Агаева, видимо не согласен), например, древние египтяне, имевшие свое мощное государство, религиозную систему, письменность и пр. и относимые к «рабовладельческим народностям», оказываются типологически близкими, скажем, к малочисленным территориально рассредоточенным чукчам, относимым к «социалистическим народностям». И если этот странный признак до сих пор не удается установить, и если о терминах действительно не стоит спорить, то почему бы не назвать чукчей «нацией»? Кстати, и с понятием нации ситуация стала менее благополучной из-за усилившейся в последнее время тенденции подчеркивать ведущее значение в нации не этнических, а «социальных» элементов¹¹. Целесообразность отделения «этнического» от «социального», очевидно, следует обсудить особо; пока же отмечу, что понять причину, по которой «капиталистическая нация» с ведущим значением ее «социальных» элементов при коренном изменении этих «социальных» элементов становится «социалистической нацией», стало труднее, чем раньше. Во всяком случае, от формационного подхода к типологии здесь осталось мало.

О возможностях историко-стадиального подхода к классификации или типологизации этнических общностей я уже высказывался ранее¹², поэтому буду краток. Основными этапами развития человеческого общества, по историческому материализму, являются социально-экономические формации, связанные с определенным способом производства: первобытнообщинным, рабовладельческим, феодальным, капиталистическим и социалистическим (к ранним стадиям иногда, по К. Марксу, добавляется и азиатский способ производства). Возникающее желание связать историческое развитие этнических общностей напрямую с соответствующими социально-экономическими формациями представляется вполне естественным, но оно логически ведет лишь к дублированию типологии. Кроме того, основные признаки способа производства берутся обычно не из той его сферы, которая относится к развитию производительных сил, а из той, которая связана с изменением производственных отношений, что особенно четко проявляется в изменении социально-классовой структуры населения. В связи с этим и выделяемые по формационным признакам типы этнических общностей следует назвать соответственно «этнос с первобытнообщинной структурой», «этнос с рабовладельческой структурой» и далее — с «феодальной», «капиталистической» и «социалистической» структурами, или сокращено — ЭПС, ЭРС, ЭФС, ЭКС, ЭСС. Я согласен с А. И. Першицем, что такая аббревиатура — не лучший выход, но полагаю, что она не хуже уже применяемых этнографами — ХКТ (хозяйственно-культурные типы) и ЭСО (этносоциальный организм). Можно, разумеется, поискать здесь и какие-то «нейтральные» термины, подобные уже предложенному С. А. Токаревым для названия этносов рабовладельческой эпохи термину «демос».

Некоторый недостаток предложенной мною типологии заключается в том, что она по существу не является только этнической и может быть применена для других исторических общностей, которые в своем развитии проходят через несколько формаций: для государственной общно-

¹⁰ Першиц А. И. Этнические общности и формационный процесс. — Сов. этнография, 1986, № 3, с. 70.

¹¹ См. об этом Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 64—67.

¹² Козлов В. И. О классификации этнических общностей. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979.

сти, религиозной и др. Преимуществом же ее является, как заметил и М. В. Крюков, формационная четкость, а также возможность дополнения ее признаками «синхронного» значения, отражающими особенности языка, культуры, численности, расселения и др. и позволяющими достаточно надежно отделить, например, внутри «этносов с социалистической структурой» уже упомянутых чукчей от украинцев, а тех и других, скажем, от азербайджанцев.

Другие, отчасти затронутые М. В. Крюковым, возможности исторической типологизации этнических общностей касаются уже главным образом сущности этноса как особого вида общности людей и требуют обстоятельного исследования, выходящего за рамки данной дискуссии. Конечно, ситуация в этой области по сравнению с началом 1950-х годов и даже с началом 1960-х годов очень сильно изменилась, но разработка общей теории этноса, сильно продвинутая в последнее время трудами Ю. В. Бромлей, еще не завершена; в частности, наблюдаемое умножение терминологико-понятийных сочетаний, произведенных от слова «этнос» («субэтнос», «этникос», «метаэтническая общность» и др.), к сожалению, не всегда сопровождалось адекватным уточнением базового понятия «этнос», иногда оно становилось даже менее четким, чем прежде. Не было уделено достаточно внимания проблеме выделения собственно «этнических» связей, без чего трудно решить и некоторые вопросы, связанные с данной дискуссией.

В своей последней монографии, посвященной теории этноса, Ю. В. Бромлей пришел к выводу, что к отличительным чертам этноса «...в первую очередь относятся характерные особенности культуры (в том числе языка) и психики этноса, его самосознание и самоназвание. Этот комплекс, на наш взгляд, и составляет ядро собственно этнических свойств»¹³. Но представленное определение этноса кажется не вполне операциональным, учитывая остающиеся до сих пор весьма смутными идеи о психике этноса, а также великое множество определений «культуры». Анализ сущности этноса требует своего места и времени; пока же ограничусь замечанием о том, что культурная общность в принципе не тождественна этнической и что такой важный и, кстати говоря, довольно операциональный компонент этноса, как язык, нецелесообразно помещать в скобки.

Важность языковых связей и их близость к этническим позволяют использовать основные стадии развития языка и для исторической типологизации этносов. Речь не идет, конечно, о возврате к идее о развитии языков «родовых» в языки «племенные» и далее — до языков «национальных», с которой когда-то началась данная типологизация. Но представляется возможным учитывать, в частности, дописменную стадию языка, стадию письменного языка, а также стадию публикаций на этом языке с внедрением его в сферу школьного образования. Последняя стадия нередко совпадает с развитием национальных движений в эпоху раннего капитализма, но в целом такая типологизация не является «формационной». Эта типологизация может быть непосредственно связана с рассмотренной М. В. Крюковым концепцией изменения «информационного механизма» этнических общностей¹⁴, которая требует, однако, некоторой доработки опять-таки для повышения ее операциональности.

В заключительной части своей статьи М. В. Крюков упоминает «этнические связи» и, кажется, пытается проследить изменение степени их «активности» при переходе от одной социально-экономической формации к другой. Однако сущности «этнических связей» он не поясняет, самим этим термином в дальнейшем не пользуется, а некоторые его выводы не выдерживают критического анализа с учетом всего фактического материала. Так, вывод о том, что «архаическим этническим общностям

¹³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 57.

¹⁴ См. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — Расы и народы. 2. 1972.

свойственна аморфность их специфических признаков, низкий уровень выраженности этнического самосознания, ...нечеткость этнических границ», основан главным образом на сведениях об австралийцах и папуасах; если же взять, например, североамериканских индейцев (на материалах о которых Ф. Энгельс основывал понятие «племени»), то картина будет совершенно иной. Не бесспорен и вывод об «активизации этничности» в эпоху рабовладения; представление о делении людей на «нас» и «варваров», на которое ссылается М. В. Крюков, в основе своей является не этническим, а культурным. Во многих случаях именно в эту эпоху прежнее четкое «племенное» самосознание сменялось этнически аморфным, оттесняемым на задний план государственным или иным самосознанием. Здесь уместно сослаться опять-таки на Ф. Энгельса, который указывая, что римское гражданство «не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности» и что «для громадной массы людей... единственно объединяющей силой служило римское государство»¹⁵.

Разработка исторической типологии этносов является нужным, но нелегким делом, и чтобы она не разрушилась, как прежняя трехступенчатая конструкция, над ней следует основательно потрудиться. Дискуссионно-статейным методом такую задачу вряд ли решишь; отведенного места здесь едва хватает, чтобы изложить собственную позицию и сделать кое-какие замечания о мнениях других участников. Мне жаль, например, что не пришлось более подробно остановиться на рассуждениях А. И. Першица и на очень оригинальной позиции Ю. И. Семенова; естественно, мне хотелось бы знать отношение других участников дискуссии и к моим взглядам. Для решения данной задачи, видимо, требуется обстоятельная монография, к созданию которой этнографам, по правде сказать, следовало бы уже давно приступить. Весьма полезным оказалось бы и проведение устной дискуссии с привлечением специалистов других наук.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 146—147.

Г. Е. Марков

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема этноса, впервые поставленная в широком плане С. М. Широкогоровым¹ и развитая в его последующих трудах, не получила большого отклика у зарубежных исследователей: можно найти лишь немногие работы, в которых этот вопрос в какой-то мере затрагивается². Значительно больший интерес проявили к проблеме этноса русские и советские ученые, а начиная с 1970-х годов она становится в связи с работами Ю. В. Бромлея одной из центральных в этнографии³. Ведется исследование фундаментальных вопросов теории этноса, признаков и характера этнических общностей, ставятся вопросы их типологизации, изучаются закономерности этнических процессов на разных этапах человеческой истории. По проблеме этноса уже вышло в свет значительное число работ. Однако, как видно из содержаний публикаций, а также результатов прошедших в последние годы дискуссий и обсуждений, многое связанное

¹ Широкогоров С. М. Этнос. Шанхай, 1923.

² См., например: Wahle E. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen.— Sitzungber. Heidelberger Akad. Wissenschaft (phil.-hist. Kl.), 1940/41, Abh. 2; Jahn K. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte.— Verhandl. Sächsischen Akad. Wissenschaft (hist.-phil. Kl.), 1953, B. 99, H. 3.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; его же. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, и др.